

СМЕРШ —
спецназ Сталина

БЕРЛИНСКАЯ РУЛЕТКА

Александр Талочников

Александр Александрович Тамоников
Берлинская рулетка
Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66701104
Берлинская рулетка: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161052-4

Аннотация

Май 1945 года. Только что закончилась Великая Отечественная война. Но бывшие союзники СССР, англичане, не желают мириться с ее результатами. Они разрабатывают план вытеснения частей Красной Армии из Берлина, чтобы ослабить советское влияние на оккупированной территории. В нашем штабе действует «крот», который снабжает британцев секретными данными. Выявить и обезвредить предателя поручено майору СМЕРШ Владиславу Градову. Чтобы выполнить поставленную задачу, ему предстоит вжиться в непривычную для себя роль...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	34
Глава третья	62
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Александрович Тамоников Берлинская рулетка

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Тамоников А. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава первая

Квартира, расположенная на Беренштрассе, в трех минутах ходьбы от Бранденбургских ворот, двое суток находилась под наблюдением. Оперативники сменялись, в заброшенном саду дежурило отделение красноармейцев. Бойцы шутили, мол, уж лучше сразу бы разбили палатку со всеми удобствами. Кто же знал, что эта волынка затянется? Местные жители на людей в советской форме смотрели со страхом, спешили быстрее перебежать опасный участок.

Группой из трех человек – остатков оперативного отдела контрразведки Смерш Семьдесят первого стрелкового корпуса – командовал майор Владислав Градов, молодой темно-волосый мужчина с обманчиво добродушным лицом. Спали они по очереди в квартире напротив. Жильцы съехали, а замок не представлял собой чего-то сверхъестественного. Подъезд находился под наблюдением. Один человек присматривал за парадным входом, другой – за черным. Иногда они курсировали по гулкой лестнице, прислушиваясь к странным звукам, издаваемым старым домом.

Здание уцелело, чего не скажешь о большинстве строений на Беренштрассе. Улица тянулась параллельно Унтер-ден-Линден по историческому району Берлина, здесь еще недавно шли ожесточенные бои. Сражения отгремели три недели назад, гарнизон капитулировал. Потрясенный, разрушенный

Берлин приходил в себя.

Но начиналась какая-то потаенная возня, активизировались скрытые от глаз структуры. Советская разведка, имеющая информаторов у британских коллег, поделилась сведениями. В штабе Семьдесят первого стрелкового корпуса действовал «крот». Кто-то сливал британцам информацию военного характера. В принципе не катастрофа – все-таки союзники – но факт требовал немедленного реагирования. Возня в кулуарах настораживала. Все понимали, что сотрудничество – явление временное, общего врага больше нет, а жгучие противоречия между миром капитала и советским строем никуда не делись.

Квартира на Беренштрассе являлась конспиративной. На этом настаивала разведка. Источник в британских структурах не был всеведущим, но здесь не сомневался. Сведения были переданы в Смерш. Человек, работавший на англичан, про эту квартиру знал и в любое время мог явиться на встречу с курьером. Оперативники терпели, в итоге дождались своего. Прибыли сразу два курьера!

Градов находился во дворе. Скамейку маскировал кустарник, склонившийся над ней, как плакучая ива. Посторонние в этот район заходили редко, мирные жители сидели по квартирам. Случались патрули, и они бесконечно бесили. Приходилось им все объяснять и демонстрировать служебные корочки.

По дорожке мимо неухоженной акации проследовали

двое – мужчины в штатском. Влад затаил дыхание. Тоже хорош! Внимание рассеялось, мысли витали непонятно где.

Но его не заметили. Мужчины шли молча, с какой-то нарочитой неспешностью, угрюмо разглядывали здание. Они прошагали в нескольких метрах от контрразведчика, напряженные, какие-то напружиненные, добрались до второго подъезда, стали осматриваться.

Ошибки исправлялись по ходу. Градов тихо встал со скамьи, обогнул ее, присел за витой спинкой. Эти люди не были профессионалами. Им ничто не мешало засечь постороннего майора-артиллериста. Своей униформы у контрразведки не было, носили то же, что и все. Чужака эти люди не заметили, постояли, обменялись парой фраз.

«Не немые», – почему-то подумал Градов.

Один вошел внутрь, другой придержал дверь, исподлобья посмотрел по сторонам. Что-то ему не нравилось, но источник беспокойства не выявлялся.

Мужчине было за сорок, он обладал колючим взглядом, гладко выбритым лицом. Национальность явственно не читалась. С равным успехом он мог быть англосаксом, немцем, русским.

Субъект скрылся в подъезде, заспешил за своим поделником.

Размышления Владислава не затянулись. Теоретически это могли быть посторонние. Ведь в подъезде пятнадцать квартир. Но вели они себя подозрительно, да и жильцов

здесь осталось с гулькин нос. Две семьи на втором этаже, одинокая женщина на третьем, по соседству с двадцать четвертой квартирой. Особа экстравагантная, немного не в себе. Олежка Романовский окрестил ее соседкой под шубой за привычку выходить из дома в утепленной куртке с мехом горносталя.

На четвертом этаже тоже кто-то обитал. Голос был старческий, жилец ходил по квартире, подволакивая ногу, и в город, наводненный русскими варварами, предпочитал не со-ваться.

Ноги вынесли Влада на дорожку перед домом. Он задрал голову. В окне третьего этажа образовалась растерянная физиономия лейтенанта Олега Романовского. Парень прилип к стеклу, заметил майора, стал яростно жестикулировать.

«Значит, входят уже в квартиру, – догадался Градов. – Со своим ключом прибыли».

Квартира была просторной, с запутанными переходами и изогнутой гостиной. Проживал в ней явно не последний рабочий.

Градов махнул рукой. Мол, ко мне! Олежка кивнул, открыл фрамугу, вскарабкался на подоконник. Рисковать не стоило. Пришли двое, а рассчитывали они на одного, хотя, если честно, то вообще на удачу не надеялись. С одним Олежка мог справиться, с двумя – вряд ли. Да и некуда спешить, нужно ждать того, кто придет на встречу. Раз явились, сразу назад не засобираются.

Физическая подготовка у товарища не хромала. Он ловко изогнулся, перебрался на пожарную лестницу, одновременно прикрывая за собой фрамугу, заскользил по ступеням. Край лестницы висел высоко над землей, но Олежка приземлился красиво, побежал в кустарник. Лейтенант был хоть и молод, но толков. Рослый, сплетенный из жил и мышц, на фронте с сорок третьего года, он дважды получал ранения, но каждый раз возвращался в строй.

– Не наследил на хате? – спросил Градов и перетащил подчиненного в кусты.

Приказ был строг. В квартире соблюдать идеальный порядок, туалетом не пользоваться. Курить возбранялось под страхом немедленных оргвыводов.

– Да все в порядке, товарищ майор. Не поймет он, что в квартире кто-то был. Дверь ключом открывать стали, я сразу на кухню. Хорошо, что вы внизу стояли. А вы уверены, что надо было бежать? Я бы с ним легко справился, подкараулил бы за дверью и огрел по башке.

– Отставить, боец! – Градов поморщился. – Двое их, и мужики не слабые.

Схожим образом в конце апреля они лишились старшего лейтенанта Мищенко. Потеря была глупая, ничем не оправданная. Диверсанты пробрались в тыл артполка, обстреливающего восточные предместья Берлина. Оперативники шли наверняка, с отделением солдат. Данные о подходе десантников они получили от перебежчика.

Мищенко ждал их на складе, в промышленной зоне. Ничто не мешало ему отступить, присоединиться к товарищам. Что творилось у него в голове? Он открыл огонь из «ППШ», а когда бойцы пробились на склад и окружили врага, уже умирал с пулей в боку, – изнемогал от боли, пребывал в ясном сознании, понимал, какую глупость совершил.

– Двое? – Олешка озадаченно покарябал щеку. – А почему двое, товарищ майор?

– По кочану, – рассердился Градов. – Сбежал, вот и ладно, не задавай глупых вопросов.

Оперативники затаились за акацией. В окне третьего этажа дрогнула занавеска, обрисовался силуэт. Незнакомец обозрел двор, отступил от окна. Занавеска вернулась на место.

– Попала мышка в мышеловку, – прошептал Романовский. – Сами пришли, никто не просил.

– Пошли, – бросил Влад.

Оперативники перебежали дорожку, прижались к стене. В этой точке дорогие гости заметить их никак не могли. Аллея перед домом была пуста. Но надолго ли?

Скрипнула подъездная дверь. Спина майора покрылась инеем, рука машинально поползла к кобуре. Образовалась невысокая фигура с погонами лейтенанта. Пилотка заломлена на затылок, лицо сосредоточенно.

Градов расслабился. Напугал, черт! Егор Грамарь контролировал черный ход, но на месте парню не сиделось.

– Это я, товарищ майор, – хрипло проговорил оперативник, внешне невозмутимый, с маловыразительным лицом, однако он все же волновался. – Вы, наверное, уже знаете, товарищ майор... Романовский, а ты здесь откуда? – Грамарь недоуменно заморгал. – Тебя с парашютом, что ли, сбросили? Ты же в квартире...

– Короче, лейтенант, – перебил его Градов. – Есть что сказать?

– Есть, товарищ майор, – заявил оперативник. – Я на той стороне находился, в кустах. Да вы знаете. На крыльце курил, дверь была открыта. Слышу, кто-то вошел с вашей стороны. Вроде двое. Мало ли кто, здесь люди живут. Но один из них сразу черный ход проверил, дверь под лестницей, не такая уж верста. Я спрятаться успел, а он из проема высунулся. Рожа уж больно напряженная, глаза бегают. Помаячил и ушел. Я за ним, к стене прижался. Слышу, двое поднимаются. Я тоже пролет перебежал, в нише захоронился. Они на третий этаж поднялись, в двадцать четвертую квартиру вошли, в ту самую, которую мы пасем.

– Думаешь, что-то новое сказал? – осведомился Влад.

– Сейчас скажу, – не смутился Грамарь. – Они по-русски говорили, товарищ майор. Очень тихо. Один ворчал. Мол, что-то мне тут не нравится, кошки скребут на душе, чую каверзу. Стоит ли вообще туда идти? Другой предложил напарнику заткнуться. Дескать, и без тебя тошно, дело надо делать, а не трястись из-за своей чуйки.

Влад задумался. Русские пришли на встречу с русским? Чудные дела. Все запуталось в послевоенном Берлине. Отгремели орудия, и начались шпионские страсти.

Кто такие? Власовцы, перебежавшие к союзникам? Те подучили их, мотивировали и отправили обратно? Чего не сделаешь ради сытой жизни где-нибудь в предместье Лондона или Нью-Йорка.

Генерал Власов Андрей Андреевич попался двенадцатого мая, не успев добраться до чешской Пльзени. Там была американская зона, но бойцы из Двадцать пятого танкового корпуса решили рискнуть. Сведения о движении колонны сообщил беглый офицер РОА. Предателя взяли вместе с остатками его штаба, доставили в штаб Третьего Украинского фронта, далее – в Москву. Заслуженную кару долго ждать не придется. Но сколько предателей ушло – тысячи, десятки тысяч. И кого там только не было, включая опытных разведчиков.

В общем-то это логично. Надо отправлять в советскую зону именно русских, хорошо ориентирующихся в привычной среде.

– Значит, так, Грамарь, – принял решение Влад. – Дуй к лейтенанту Балабанову, пусть выводит из тени своих бойцов. Да не светись перед домом, по стеночке, Егорка. И бойцам скажи, чтобы не мерцали во весь формат. Здание окружить, всех подозрительных задерживать. Людей в советской форме – в первую очередь. Мне плевать, какие у них звания и

должности. Работает Смерш.

Грамарь козырнул и припустил вдоль дома.

Показалась пожилая прихрамывающая женщина в клетчатом пальто. Она несла сетку с продуктами, застыла, охваченная страхом, когда мимо пролетел Грамарь, прижала руку к сердцу.

Явно не то. Имитировать такой испуг невозможно.

Женщина подобрала упавшую сетку, сменила направление.

Градов и Романовский вошли в подъезд, преодолели сумрачную зону, стали подниматься. Просторное парадное вздымалось ввысь, изгибались затейливые перила. Окно между этажами было разбито, на каменном полу валялись осколки. Шли на цыпочках, стараясь не наступить на битое стекло. Романовский от усердия закусил губу, обогнал майора, присел на корточки перед последним пролетом.

Дверь, необходимая им, находилась справа, с виду внушительная, обитая декоративными планками. По центру располагалась двадцать третья квартира, слева – двадцать вторая. Район находился в историческом центре, здесь жили не последние люди рейха. Подъезд выглядел помпезно, не хватало лишь нацистской атрибутики.

Градов отеснил плечом подчиненного, поднялся на площадку, приложил ухо к двери. В квартире глухо говорили люди. Панические нотки в голосах пока не звучали.

Петли были предусмотрительно смазаны. Поэтому дверь

двадцать второй квартиры открылась без шума.

Из-за нее выбрался капитан Нагорный, вопросительно уставился на командира. Офицер был серьезный, не болтун, слов на ветер не бросал, имел спортивное сложение, выющиеся светлые волосы. Он выразительно показал на дверь – дескать, уже в курсе. Влад кивнул. Романовский поднялся на несколько ступеней и превратился в статую.

– Прилетели птички, командир? – прошептал Нагорный. – Это именно те, кого мы ждем? Будем брать или потерпим еще?

– Потерпим, – шепотом отозвался Градов. – Они пришли не просто так, а на встречу. Мы подождем вместе с ними. Брать будем, когда вся компания соберется. Романовский, давай наверх. Жильцы не появятся, там только один старец. А мы с Нагорным в квартире подождем... – Он не успел закончить.

В квартире под номером двадцать четыре что-то упало и покатилося. Раздались встревоженные возгласы. Кто-то пробежал, со скрежетом распахнулась оконная рама.

Офицеры недоуменно переглянулись. Градов сообразил, схватился за голову. К черту Балабанова и таких помощников! Лучше сидели бы в своем саду и не высовывались! Очевидно, бойцы бежали, не таясь, окружали здание. Агенты заметили их в окно, сделали правильные выводы. Загремели пушечные выстрелы! Глухо рокотали в ответ «ППШ». Бились стекла в оконных рамах, матерились лазутчики, загнан-

ные в ловушку.

– Вот кретины! – в сердцах пробормотал Нагорный. – За-ставь же дураков богу молиться... Не переживай, командир, мы их все равно возьмем.

Эти люди были совершенно бесполезны даже в живом виде! Сто процентов, что они не знали личности «крота», а реагировали на пароль. При таких обстоятельствах ни один умный человек здесь не появится.

– Прекратить сопротивление! – проорал Градов в закрытую дверь. – Это Смерш! Вы окружены и, если не бросите оружие, будете уничтожены!

В квартире продолжали стрелять. Крик в подъезде они не могли не слышать. Красноармейцы ответили на огонь, и что-то подсказывало Градову, что палили они не в воздух. Майор с досады скрипел зубами. Все насмарку из-за какого-то безголового идиота!

Но он сам отдал приказ, чтобы бойцы подтянулись. Можно подумать, не знал, что там народ простоватый, тонкостям слежки и оперативной работы не обученный! Расслабились люди после войны, в том числе и командир, который стал упускать важные моменты.

К двери злоумышленники не подходили, ругались в глубине жилого помещения. Путь отхода у них не было, люди Балабанова контролировали окна. Запасной выход из квартиры отсутствовал.

Но какой-то фантазией эти люди обладали. В квартире

прогремел оглушительный взрыв. Градов не сразу сообразил. Они подорвали стену, смежную с соседской квартирой. Значит, плохо ориентируются. Зачем лезть в квартиру, дверь которой выходит на ту же площадку?

От взрыва мощной гранаты рухнула часть стены, посыпались кирпичи. Оперативники схлынули с площадки. Романовский припустил наверх, остальные скатились ниже и присели за перилами. В квартире кашляли и ругались незадачливые лазутчики.

Распахнулась дверь. За порог вылетела всклокоченная, дико орущая соседка под шубой, одинокая дама средних лет, сегодня без горностаев, побежала в тапочках по лестнице, едва не сбила зазевавшегося Нагорного. Вслед за дамой из квартиры вынесся столб гари и пыли.

Романовский скатился обратно, прижался к косяку, вопросительно уставился на командира и выразительно похлопал по карману.

– Давай уж, доставай из широких штанин, – разрешил Градов. – В самом деле, хуже уже не будет.

Олежка вырвал чеку из «РГД», закатил гранату в квартиру. Взрывом что-то повалило, лопнуло стекло в межкомнатной перегородке. Снова вырвалось облако порохового дыма. За спиной командира кто-то топал, тяжело дышал. Это вернулся лейтенант Грамарь, прижался к стене.

– Товарищ майор, вы чего это тут затеяли? – Он закашлялся, глотнув прогорклого дыма.

Огонь они открыли дружно, били в проем из «ТТ». Нагорный бросился на штурм, перескочил порожек, умчался в дым. За ним летели все остальные в порядке живой очереди.

Злость кружила голову майора. Всего этого могло не быть! Второй гранаты у противника не было, имелись лишь пистолеты с ограниченным запасом патронов.

– Сдавайтесь! – прохрипел Градов, перебегая за внушительный шкаф. – Поубиваем же к чертовой матери!

У чужаков имелись причины не сдаваться, им проще было погибнуть. Из проема высунулась фигура, чтобы открыть огонь. Нагорный сработал с упреждением, прогремел выстрел, мужчину отбросило к косяку, хрустнул затылок, протаранивший деревянную конструкцию. Грамарь отпихнул ногой туловище, перекрывшее проход, влетел в большую комнату.

– Не стреляйте, я сдаюсь! – жалобно выкрикнул уцелевший злоумышленник.

Подобное решение можно было только приветствовать. В комнате валялись обломки кирпичей. Бранился Грамарь, поранивший ногу об острый огрызок. Плавали клубы дыма. Оперативники проникли внутрь и рассредоточились.

В дыму проявился мужчина с искаженным лицом. Он сидел, привалившись к стене, раздвинул ноги. Левая голень была сломана, причем крайне неудачно. Обломок кости вылез наружу, кровь хлестала на пол.

– Сдаюсь, берите меня, – пробормотал он и попытался

поднять ослабевшие руки.

В правой руке клиент держал пистолет. Конечность тряслась, палец срывался со спускового крючка.

– Выбрось, сука, пистолет! – истошно выкрикнул Нагорный.

Тот словно не понимал, что от него требуют. Человек помирал от боли, глаза его помутнели. На губах внезапно зацвела страшноватая улыбка. Он словно очнулся, ожили мышцы лица. Оно перекосилось теперь уже на другую сторону.

Оперативники подходили, держа его на мушке. Любое неверное движение, и...

Мужчина быстро сунул ствол себе в рот, пропихнул аж до гланд, видимо, для надежности, и надавил на спуск. Он повалился, забрызгал стену своими выделениями, однако на губах его продолжала цвести страшноватая улыбка.

– Се ля ви, как говорят французы, – сказал Нагорный и сокрушенно вздохнул, пряча пистолет в кобуру. – Здесь мы бессильны. Как-то не подумали, товарищ майор. Нужно было руку ему прострелить.

– Мы о многом сегодня не подумали, – проворчал Влад, присаживаясь на корточки.

Его утешало лишь одно обстоятельство. Столько шума и без потерь. Убеждая себя в том, что ничего ужасного не произошло, он обшарил внутренние карманы трупа, извлек офицерскую книжку на имя Родиона Михайловича Пузы-

рева, заместителя начальника инженерного отдела Семьдесят первого стрелкового корпуса. Документы были явно липовые. Майор подошел к окну, внимательно рассмотрел их. Подобные подделки раньше в абвере штамповали тысячами. Данный продукт был из той же области. Не пропадать же добру. Немцы исправили лишь номер части, причем весьма старательно. Но специалисты нашли бы шероховатости даже невооруженным глазом.

– Романчук Денис Валерьевич, – сказал из проема Романовский, осматривавший первый труп. – Целый майор. Топографический отдел. Непонятно, почему в штатском пришли.

– Чтобы глаза не мозолить, – заявил Влад. – Народ сейчас тысячами из зоны в зону кочует, порядка нет. Англичане даже документы проверять не будут, наши тоже через одного осматривают. Пробрался переулками да руинами. За всеми не уследишь. При нужде они могли переодеться, думаю, знали, где найти обмундирование.

– Это так, бардак, – вздохнул Нагорный. – Пора пресекать подобные безобразия. Мы даже не знаем, что происходит в других зонах. Обидно, командир. Почему так вышло? Берлин брала Красная армия, другие дальше Эльбы нос не совали. Тьму народа положили. С какого перепуга мы им должны полгорода на блюдечке выложить? А они теперь там свои порядки наводят.

– Так было договорено в феврале на Ялтинской конфе-

ренции. Не нам обсуждать решения высшего руководства, Юрий Иванович. Но досадно, ты прав. Это еще ладно, скоро они всю победу себе припишут. Прошли от Нормандии триста верст с горем пополам, бил их вермахт за милую душу, а потом мы узнаем, что это именно они сломали хребет фашизму.

В квартиру влетел ошарашенный лейтенант Балабанов, запнулся о мертвеца, разлегшегося на пороге, резко затормозил перед вторым, заморгал.

– Товарищ майор, это что же такое?

– А это своим тетерям спасибо скажи, – процедил сквозь зубы Градов. – Ты где таких кретинов добыл, Балабанов? Бегут, как в атаку на пулеметы! Ты готов под трибунал идти за действия своих подчиненных?

– Никак нет, товарищ майор. – Лейтенант вытянулся по швам, побледнел, в глазах у него зажегся тоскливый огонек. – Мы же не знали, не думали, поздно сообразили.

– Сгинь, чтобы духа твоего тут не осталось! – взревел майор.

Лейтенант дернулся, запнулся о перевернутый стул.

– Стоять, Балабанов! Отвечать за халатность будешь по полной строгости, если я не передумаю. Оцепление оставить, проверять всех, кто сюда приходит. Если местные, пусть идут домой. Остальных в комендатуру, потом доложишь. Посторонних на место происшествия не пускать, патрули разворачивать. Выполнять, Балабанов, и чтобы глаза мои те-

бя больше не видели!

– Слушаюсь, товарищ майор! – Перепуганный лейтенант вытянулся по швам и умчался из комнаты.

– А вы чего уставились? – Майор исподлобья обозрел оробевших оперативников. – Сами не лучше. Да и я вместе с вами. И что прикажете делать? «Крот» сюда не придет, если он не больной на голову. Поздравляю, товарищи офицеры, начинаем все заново. Представляю, как обрадуется полковник Троицкий.

Ужасающая груда мусора, которую представлял собой послевоенный Берлин, простиралась на многие версты. Гарь и сладкая вонь впитались в воздух, истребить их не могли ни время, ни ветер.

За «газиком», все это время отдохавшим на углу Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден, присмотрели бойцы патруля. Оперативники возвращались на базу злые, раздраженные. За спиной остались Бранденбургские ворота, за ними здание МВД, рейхстаг, Шпрее. Бульвар Унтер-ден-Линден тянулся с запада на восток через добрую половину города, пересекал несколько округов. Штаб стрелкового корпуса размещался в районе Кенигштадт у Александерплац, в двух километрах к востоку от Бранденбургских ворот.

Когда-то на бульваре высаживали липы. За этим еще в восемнадцатом веке следил Фридрих Вильгельм Первый. В тридцать третьем году фюрер приказал срубить все посадки.

Ему требовался простор для проведения многолюдных маршей, поэтому растительности на бульваре почти не осталось.

Грамарь вертел баранку, объезжал груды мусора. Уцелевших зданий практически не было, высились лишь остовы строений, когда-то помпезных. На углу бульвара и Фридрихштрассе стояла стена, унизанная балконами и украшенная лепниной. За ней громоздилась гора мусора. Стена смотрелась абсурдно и по какой-то причине не падала. Люди обходили ее стороной. Она могла рухнуть в любой момент или не сделать этого никогда.

На бульваре было многолюдно. Берлинцы выстраивались в очереди к советским полевым кухням. Бродили худые собаки, какие-то неприкаянные люди. Разрушенный город переходил к мирной жизни. Выстрелы звучали все реже, но иногда вспыхивала спорадическая пальба вроде сегодняшней, грохотавшей на Беренштрассе. Кое-где занимались пожары.

Уже проводились работы по расчистке города. На руинах копошились горожане, чистили проезжую часть пленные солдаты вермахта и ополченцы из фольксштурма. Но краше город пока не стал. Кругом валялись горы мусора – железный лом, кирпичное крошево, щебень, фрагменты мебели.

Трупы с городских улиц были убраны быстро, чтобы не допустить распространения эпидемий, но под развалинами оставались тела, в основном мирных горожан. Их выкладывали вдоль обочин, укрывали брезентом. Бились в припад-

ках берлинцы, нашедшие своих родных. Иногда подходили машины, мрачные люди в штатских комбинезонах грузили тела в кузова, куда-то увозили.

Местные жители уже не смотрели на советских солдат как на исчадия ада, хотя предпочитали с ними не сталкиваться. Еще недавно немцы кончали с собой от страха перед наступающей Красной армией, убивали своих близких, пожилых родителей, детей, потом себя. Это было модным поветрием. Пропаганда Геббельса принесла свои плоды. Теперь подобные факты становились редкостью.

Помятый «ГАЗ-67» пробивался через центр города. Офицеры равнодушно смотрели по сторонам. Они уже привыкли к однообразному пейзажу. Мирных жителей становилось больше, возвращались те, кто сбежал в апреле. Женщины и пенсионеры волокли тяжелые чемоданы, вели детей, дружно опускали глаза, когда мимо проезжала машина с русскими офицерами. Горожане высаживались из автобусов в восточных предместьях, а дальше сами шли к своим разрушенным жилищам.

Весь исторический центр города лежал в руинах. Но тротуары уже были расчищены, по ним спешили люди. Мелькала советская форма, грязно-зеленые гимнастерки англичан и американцев. Все смешалось в германской столице. Формально существовали три оккупационные зоны: восточная половина города, от Бранденбургских ворот – советская, юго-западная – американская, северо-западная – бри-

танская. Французский сектор еще не был оформлен. В него должны были войти районы Веддинг и Райникендорф.

Военнослужащим не возбранялось посещать чужие зоны. Впрочем, патруль мог проверить документы и развернуть. Порядок отсутствовал. Каждая сторона тянула одеяло на себя. Еще не были сформированы Контрольный совет и межсоюзническая комендатура, имелись только планы на бумаге. Шла подготовка к проведению Потсдамской конференции, чтобы раз и навсегда определить статус Берлина и полномочия стран-победительниц. Но все это было в будущем, а пока в разрушенном городе царила неразбериха.

Хотя попытки навести порядок все же предпринимались. Приказом номер один советского коменданта запрещалась НСДАП и все подчиненные ей организации. Всем чиновникам и военным надлежало явиться для регистрации. Возобновлялась работа пекарен, продуктовых магазинов, лечебных учреждений, коммунальных предприятий. Чинились электростанции, водопровод, канализация, запускался общественный транспорт. Рабочие и служащие обязаны были оставаться на местах и выполнять свои обязанности. Работали полевые кухни, постоянно подвозилось горячее питание.

Были введены продуктовые карточки пяти категорий. Каждому берлинцу полагалось в день по четыреста пятьдесят граммов хлеба, горстка крупы, мяса, какое-то количество жиров, сахара, кофе. Перепадали овощи, молочные продукты. Семнадцатого мая советским комендантом был

назначен обер-бургомистр Берлина, который сформировал магистрат из числа членов Коммунистической партии. Городским главой, к всеобщему удивлению, стал шестидесяти-восьмилетний инженер Артур Вернер, известный тем, что в конце тридцатых состоял в нацистской партии и имел двух сыновей, находящихся в советском плену.

Здание Арсенала, возведенное в семнадцатом веке в барочном стиле, имело жалкий вид. Вдоль бульвара выстроились дворцы бывших королей, кронпринцев и прочих наследников прусского престола. От зданий уцелело немного, но былая помпезность сохранилась. Башни католического собора казались обглоданными какими-то гигантскими хищниками. Арочная анфилада, уходящая в глубь квартала, на высоту человеческого роста была завалена мусором.

Здесь оперативникам пришлось задержаться. В затор попали несколько советских полуторок, водители недовольно сигналили. Рухнул изрядный кусок стены, и военнопленные дружно, под лай овчарок, расчищали проезжую часть. Кто-то кричал, что под завалами вскрылись разложившиеся трупы советских воинов.

Градов поморщился. Сколько тысяч еще найдут, сколько жен и матерей обольются слезами в далеком Советском Союзе.

Потери при штурме Берлина были ужасные. Цифры никто не озвучивал, но майор мог представить себе их, тем более что сам в этом участвовал.

Советские офицеры иной раз спорили о том, зачем понадобился штурм Берлина. Дескать, окружить город, и через пару недель все выйдут с поднятыми лапками. Столица Германии была разрушена полностью, погибли сотни тысяч мирного населения и столько же советских солдат. Это цвет нации, здоровые, сильные мужчины, коммунисты, комсомольцы. Могли бы жить, отстраивать страну, вести людей к сияющим высотам социализма.

Один договорился, слишком ярко высказывал свое мнение, против которого никто и не возражал. Приехали на «газике» люди из особого отдела, увезли в неизвестном направлении боевого капитана, прошедшего со своей разведротой долгий путь от Орла до Берлина. Больше его никто не видел.

Люди тысячами возвращались в Берлин, а жить им было негде. Уцелевшие здания были переполнены, народ наводнял бомбоубежища. К концу правления фюрера в столице проживали три миллиона населения плюс триста тысяч восточных рабочих, насильно угнанных в рабство. Их в убежища не пускали, и они массово гибли под обстрелами и бомбежками. Теперь эти люди проходили через фильтрационные лагеря.

На полпути офицерам опять пришлось остановиться. Работали пожарные, тушили вспыхнувшее здание. Видимо, огонь несколько дней тлел в подвалах, добрался до горючих конструкций и охватил все здание. Пожарная машина перегородила проезд, борцы с огнем разматывали шланги. Воды

им хватило на пять минут работы, но основное пламя они сбили. Из сгоревшего строения валили клубы черного дыма.

Оперативники бродили по взорванному тротуару. Градов нетерпеливо посматривал на часы. Столпились зеваки, молча смотрели на все это.

Нагорный поддел ногой валяющуюся в грязи табличку, счистил подошвой слой копоти и заявил:

– Все нормально, мужики, сгорело общество по страхованию от пожаров.

Пожарная машина освободила проезд, движение возобновилось. Но через двести метров снова все встало и началась суматоха! На этом участке разрушения носили тотальный характер, имелся лишь узкий проезд в горах мусора. Остальное пространство занимали переломанные орудия, остовы сгоревших грузовиков, битый кирпич и бетон. В разрушенных зданиях зияли провалы, сквозь них просматривалась параллельная Беренштрассе.

Началась стрельба, в дыму под колоннами метались люди. Прибыли две полуторки с автоматчиками. Они посыпались с бортов, стали разбегаться.

Для военного человека не произошло ничего неординарного. Подобные инциденты порой случались. Мирные берлинцы спасались бегством, улица мгновенно опустела.

Грамарь включил заднюю передачу. «Газик» пятился, тыкался в обломки металлического лома.

Вскоре все стало ясно. Группа эсэсовцев попала в ловуш-

ку еще в апреле, когда их батальон оборонял восточные пригороды, а с тыла зашли советские танки. Многие погибли, но части солдат и офицеров удалось спуститься в подземный коллектор и сохранить жизнь. Их было человек сорок. В тамошней неразберихе советские солдаты потеряли их из вида. Группа ушла в катакомбы, намереваясь отсидеться и с триумфом выйти оттуда, когда их товарищи погонят Красную армию обратно.

Но как-то не сбылось. Эсэсовцы нашли укромное местечко по соседству с продуктовым складом, затаились. Несколько раз по ночам они устраивали вылазки, убивали русских.

Эти люди четыре недели просидели под землей! Подземные облавы обходили их стороной, группу не засекли. В какой-то момент они узнали, что русские захватили весь Берлин. Смертников в группе не было, и кончать с собой никто не собирался.

Руководство приняло решение пробиваться на запад, к союзникам. За сутки эсэсовцы прошли по подземным переходам километра четыре. Люди обессилели, превратились в призраков.

В районе Александерплац они были замечены. Под землю спустился взвод полковой разведки, и началось преследование. Эсэсовцы уходили от погони, отстреливались, увязали в канализации. Ходы переплетались, беглецы сбились с пути. Дорогу перекрыл завал, на хвосте висели русские и методично отстреливали отстающих.

Погибать под землей эсэсовцы не хотели, сдача в плен тоже не входила в их планы. Они пробились наверх через колодец, оказались в гараже какого-то административного здания, наполовину разрушенного.

У красноармейцев имелась рация, и в самый интересный момент эсэсовцев уже ждали их товарищи. Бой был недолгим. Прорваться фрицам не удалось, они ушли обратно в гараж. Да и куда подевались бы эти дети подземелья, не имеющие представления о том, что происходит в городе?

Красноармейцы окружили гараж, ради предупреждения бросили туда гранату и на ломаном немецком пояснили, что через пять минут полетят другие. Мол, стоит ли овчинка выделки?

– Подъезжай поближе, – бросил Градов. – Полюбоемся.

Грамарь согласно крикнул, переключил передачу. «ГАЗ-67» проехал двести метров и снова встал. Два бойца бросились наперерез с протестующими возгласами, но смугтелись, обнаружив под носом красные удостоверения. Оперативники вышли из машины, чтобы размять ноги, закурили.

Стрельба оборвалась, гранаты больше не понадобились. Бойцы рассредоточились вдоль единственного выхода из гаража, ждали появления призраков.

Те какое-то время тоскливо помалкивали, потом оттуда кто-то хрипло выкрикнул:

– Не стрелять! Мы сдаваться!

– Кто бы сомневаться! – прозвучало в ответ.

Первым на свет божий вышел гауптштурмфюрер в оборванном кителе. Вид у него был крайне жалкий. Истрепанная униформа висела мешком, человек превратился в ходячий скелет. Щеки ввалились, глаза запали. Бледная кожа истончилась настолько, что ее можно было проткнуть пальцем. Он потерял фуражку. Со лба спадали безжизненные редкие волосы.

Гауптштурмфюрер чуть помедлил, выбросил автомат, стащил с себя ремень с портупеей, тоже швырнул в сторону, поднял руки и, спотыкаясь, побрел дальше. Он смотрел прямо перед собой невидящими глазами.

Следом вышел молодой оберштурмфюрер с крючковатым носом. Он избавился от оружия, стиснул кисти рук на затылке.

Третьим образовался целый штурмбаннфюрер, невысокий, какой-то кривоногий, с квадратной челюстью. Он снял с себя кобуру, помедлил. Дескать, правильно ли я поступаю? Прозвучал грозный окрик, эсэсовец вздрогнул, избавился от оружия.

За ними потянулся прочий сброд. Низшие чины выходили по одному, подслеповато шурились, бросали автоматы. Это были вылитые привидения, истощенные, бледные, с воспаленными глазами. Они брели друг за дружкой, шатались как пьяные.

– А что, мне нравится, – подметил кто-то из бойцов. –

Хорошо идут, любо-дорого посмотреть.

– Последние ласточки, – сказал его товарищ и хохотнул.

Красноармейцы прикладами согнали пленных в кучу. Прежде с эсэсовцами они особо не церемонились, даже в плен их брали нечасто. Но сегодня решили взять, уж больно жалко выглядели эти доходяги.

Капитан с пластырем на щеке пересчитал добычу по головам и громко объявил:

– Двадцать девять! Это все?

Один из бойцов вприпрыжку бросился к гаражной двери, забросил внутрь гранату. Вздогнуло внутреннее пространство, что-то осыпалось.

– Все, товарищ капитан!

Градов подошел поближе.

Красноармейцы обыскивали эсэсовцев. Эти фанатики запросто могли припасти гранату и привести ее в действие. Осмотренных пленных они пинками отправляли в кучу.

Недовольно зашипел белобрысый эсэсовец в оборванном кителе, сжал кулаки.

– Что ты сказал, дружище? – осведомился накачанный сержант и с удовольствием зарядил пленнику в глаз.

Тот отшатнулся, закрыл лицо ладонями.

– Вахновский, давай без самоуправства, – недовольно бросил капитан.

– Так это разве самоуправство? – спросил сержант и закончил под дружный гогот: – Я же его по-дружески!

Гауптштурмфюреру тоже не понравилось, когда его схватили за плечи. Он резко вырвался, бросил что-то с презрением, тут же получил под дых и согнулся.

– У нас все равны, дружище, привыкай, – заявил красноармеец, схватил его за шиворот и пинком отправил куда следует.

Советские бойцы наслаждались ситуацией. Они еще не утолили жажду мести.

Штурмбаннфюрер не стал нарываться, опустил голову, терпеливо сносил унижения.

Градов показал капитану удостоверение. Тот покосился на красные корочки и вздохнул. Дескать, как же без вас. Вы всегда появляетесь в тот момент, когда вам очень рады.

– Штурмбаннфюрера заберем, не возражаешь, капитан?

– Да берите, товарищ майор, – сказал тот и пожал плечами. – Немец не водка, у нас еще есть.

Пленный уловил беззвучный посыл – мол, шагай своими ногами – и потащился к машине, застывшей на дороге. Улизнуть он даже не пытался, понимал, что случай не тот.

– Это мудро, товарищ майор, – поддержал инициативу командира Романовский. – Лучше уж так возвратиться, чем с пустыми руками. Распишем полковнику Троицкому, как с боем брали этого упыря.

– Пусть разведка радуется, давненько ей такого не перепадало, – поддержал товарища Нагорный.

– Сажайте его в машину, – сказал Влад и подтолкнул

эсэсовца к «газику».

Тот молчал и обреченно закатил глаза, прямо как библейский персонаж со средневековой картинки.

– Нет уж, не так быстро. – Грамарь схватил пленника за шиворот, бросил на капот и стал его обыскивать.

Штурмбаннфюрер сдавленно кричал.

Документы из кармана перешли к майору. Субъекта звали Отто Нойманн. Служил этот парень в полку СС, приказавшем долго жить одновременно с великой Германией. В карманах не нашлось ничего интересного, кроме засморканного носового платка. Этот тип даже не курил, вел здоровый образ жизни. Его швырнули в машину, подперли с двух сторон, и группа снова пустилась в путь.

Глава вторая

На улице Якобиштрассе в районе Кенигштадт произрастали дубы и липы. Разрушения здесь носили умеренный характер. В этом районе фашисты не задержались, сдали его практически без боя. Тут находились жилые дома, всевозможные конторы и мелкие фирмы. В тени деревьев пряталось двухэтажное учебное заведение, облюбованное квартирмейстерами под штаб.

В двух шагах гудела оживленная Александерплац, самая крупная городская площадь. А здесь, в глубине аллей и боковых улочек, все было тихо.

Охрану штаба нес целый батальон. Людей для этого теперь хватало. Со скрипом поднимались и опускались шлагбаумы. Караульные с любопытством поглядывали на пленного эсэсовца, отвыкли уже.

Контрразведка размещалась в восточном крыле здания, подальше от штабной суеты.

– Кого взяли? – поинтересовалась Ольга Ефимовна Догужинская, одна из немногих женщин, проходивших службу в ведомстве. Она дослужилась до капитана, занимала должность заместителя начальника шифровального отдела, имела статную фигуру, приятное лицо, обрамленное стянутыми на затылке пепельными волосами.

Характер у Ольги Ефимовны, невзирая на внешнюю доб-

рожелательность, был непростой. Мужчин, желающих, культурно говоря, познакомиться с ней, она отшивала одним щелчком. А если отдельные самцы настаивали, то эта дама могла врезать по морде, после чего все вопросы отпадали.

К начальнику оперативного отдела Ольга Ефимовна относилась ровно, с некоторой долей иронии. Но иногда в ее карих глазах, направленных на майора, поселялась задумчивость, некая необъяснимая дымка. Впрочем, она быстро рассеивалась.

В данный момент женщина курила на крыльце и смотрела, как пленный эсэсовец выгружался из машины. Причин не любить подобную публику у Ольги Ефимовны хватало. В сорок третьем она потеряла мужа, через год умер от тифа маленький ребенок, проживавший с бабушкой на Урале. Беды и потрясения Ольга Ефимовна сносила стоически, жила дальше, и никто не знал, что творится у нее на душе. Плакаться в жилетку в ее привычки не входило.

– Кого надо, того и взяли, Ольга Ефимовна, – с любезной улыбкой отозвался Градов. – Прекращали бы вы курить. Женщинам в мирное время это не идет.

– Спасибо, что просветили, Владислав Сергеевич, – язвительно отозвалась дама. – Едва настанет мирное время, я сразу брошу и не забуду, разумеется, вам отчитаться. Посмотрите, какой орел! – Женщина с прищуром обозрела понурого эсэсовца. – Ощипанный, побитый, но все равно та еще птица. Где взяли, товарищ майор?

– Где взяли, там уже нет, – ответил на это Нагорный, толкая пленника к крыльцу. – А ну, двигай булками, герр хороший, пока не прилетело!

– Тьфу, какая гадость, – пробормотала Ольга Ефимовна. – И откуда они берутся?

Никто не возражал.

В отделе по работе с военнопленными штурмбаннфюрер Нойманн был встречен с распростертыми объятиями. Влад толкнул его в комнату, и тот запнулся о порожек.

Эффект внезапности сработал. Подавился бутербродом майор Метлицкий, резко вскочил, схватился за кобуру. Остолбенел сидящий за соседним столом майор Гаусс Яков Семенович. Недоуменно заблестели круглые стекла очков. В отличие от коллеги, он был фактически лыс, имел круглую физиономию. Мода на образ Лаврентия Павловича Берии решительно не проходила. Улыбчивое лицо майора Градова за спиной немца было замечено офицерами только во вторую очередь.

– Вот черт! – пробормотал майор Метлицкий, пряча в кобуру пистолет. – Ладно, Градов, сочтемся.

– Проверка боеготовности, – сказал Влад. – Нельзя расслабляться, товарищи. Враг не дремлет, и всякое может случиться. Брать будете? Сегодня недорого. Группа эсэсовцев месяц просидела в канализации, а нынче сделала попытку пробиться к союзникам. Чем она закончилась, можете представить. Не уверен, что герр Нойманн – кладезь полезных

сведений, но может поведать кое-что интересное. Рации при них не было, видимо, избавились они от нее. Не исключаю, что в подземельях могут обитать и другие подобные группы. Это несколько неуютно, согласитесь. Особенно для тех людей, которые будут восстанавливать канализацию с водопроводом.

– Оставляйте фрица, Владислав Сергеевич, – великодушно разрешил Гаусс. – Поговорим с человеком за жизнь.

– А потом его куда? – спросил Метлицкий.

– Тоже мне, проблема, – заявил Гаусс.

– Ну да, не подумал, – сказал Метлицкий. – Эй, конвой, увести задержанного!

Нойманн вздрогнул, зябко повел плечами. За последние полчаса он не сказал ни слова и вряд ли мог стать общительным собеседником. Но офицеры контрразведки Смерш раскалывали и не таких молчунов, полезный опыт наработали.

В помещение вошел автоматчик с суровым лицом, выразительно уставился на пленного. Нойманн втянул голову в плечи и поплелся к выходу.

– Расслабились, майор, размякли, потеряли хватку, – раздраженно выговаривал полковник Троицкий, снуя по кабинету. – Переполошили своей стрельбой весь район, а толк где? За штурмбаннфюрера, конечно, спасибо, хотя ума не приложу, что мы из него вытянем. Человек месяц просидел под землей. Источник сведений, конечно, бесценный. При-

знайся, ты специально его приволок, чтобы я не так громко на тебя орал? – Начальник контрразведки корпуса прервал бессмысленные метания и исподлобья воззрился на подчиненного.

Подобные взгляды заставляли людей трепетать. Градов не был исключением. Да и внешность у полковника была соответствующая. Рослый, с избыточной мышечной массой, с хорошо развитой нижней челюстью. Однако Влад хорошо знал все сильные и слабые места своего начальника.

– Но ведь сработало, товарищ полковник, – смущенно пробормотал Градов. – Вы не очень громко кричите. Виноват, оконфузились. Лазутчики засекли в окне красноармейцев, сделали попытку вырваться, вели себя глупо, сопротивлялись, а один и вовсе с собой покончил. Подозреваю, это власовцы, завербованные британской или американской разведкой. Шли с документами советского начсостава. Квартира действительно конспиративная, они прибыли на встречу. Сомневаюсь, что к ним теперь кто-то придет. Мы подняли много шума. Да и оцепление вокруг дома, которое мы выставили согласно инструкциям, наверняка было замечено. Разрешите исправить ошибку, товарищ полковник. – Майор непроизвольно вытянулся. – Уверен, мы действовали правильно, но вмешались обстоятельства. Этого не повторится. Но если вы решите передать это дело другим, а нас подвергнуть заслуженному наказанию... – Градов не закончил, принял сокрушенный вид.

– Ты еще глаза как у коровы сделай, – заявил полковник. – Чтобы растопить мое ледяное сердце. Честно говоря, не ожидал от тебя такого провала. Ну, хорошо, лазутчики заметили посторонних. Но взять их живыми вы хотя бы могли?

– Не уверен, что это принесло бы пользу. Эти люди – всего лишь курьеры, они не имеют ценности. Если подобным персонам известна личность «крота», то мне искренне жаль западную разведку. Она стремительно деградирует. Их задача – получить сведения и уйти обратно.

– Почему же двое? – язвительно спросил полковник. – Чтобы не страшно было? Эти люди знали пароль, который мы могли использовать. Эти люди могли доставить инструкции для «крота», были в курсе, кто их послал. Имена, должности, явочные квартиры в западном секторе. Да что я тебе говорю? – Полковник досадливо махнул рукой и вновь забежал по кабинету.

– Вы убеждены, что в штабе корпуса есть «крот», сливающий союзникам военную информацию, товарищ полковник?

– В этом убеждена наша разведка, имеющая своего человека в штабе британских оккупационных сил. Это не какой-нибудь двойной агент, его сведения заслуживают доверия. Уходят данные военного характера – количество наших войск в Берлине и его окрестностях, сведения обо всех прибывающих и убывающих частях, местоположение арсеналов, дислокации военнослужащих и тому подобное. Источник нашей разведки близок к британскому шифровальному отделу.

Он один из тех, кто обрабатывает полученные сведения. Ему известен сам факт, но он не знает, кто этот человек, где и когда его завербовали. Что-то происходит, майор, и черт меня подери, если я понимаю, что именно. Но секретные данные отправляются регулярно, и самое мерзкое состоит в том, что они правдивы.

– Не так уж много людей, имеющих доступ к подобным материалам, – проговорил Влад. – Кстати, что вас настораживает, товарищ полковник? Фашистской Германии больше нет, она втоптана в грязь. С западными странами мы были временными союзниками. Теперь они наши противники, как бы ни улыбались и ни клялись в дружбе. Да, они собирают сведения о наших частях. Это нормально, для того и существует разведка. Она должна подтверждать, что не зря ест свой хлеб. Не собираются же они напасть на нас. Это полный абсурд. Теракты и диверсии тоже не станут устраивать. Ни к чему им крупные международные скандалы. Но это не значит, что мы должны пустить ситуацию на самотек. «Крот», если он есть, должен быть разоблачен.

– «Крот» есть, – сказал полковник и скрипнул зубами. – Его деятельность наносит нам колоссальный вред. Я чувствую, здесь что-то не так. – Взгляд Троицкого уперся в стену и застыл. – Это не простое человеческое любопытство, и англичане действуют не из спортивного интереса. Ладно, за провал на Беренштрассе получишь выговор, работай дальше. Есть еще одна наколка. Я получил ее сегодня утром из

разведуправления, пока твои люди доказывали свою несостоятельность на Беренштрассе. Запасной вариант британской разведки – блошинный рынок на Потсдамской площади. Если по какой-либо причине не сработает основной вариант, то через три-четыре часа используется запасной. Если «крот» не является, то же самое повторяется через сутки. Если через двадцать четыре часа шпион снова не появляется, то боссы автоматически списывают его со счетов, и все блага, обещанные ему, автоматически аннулируются. Так что у «крота» есть серьезные основания не пропускать эти встречи. – Полковник посмотрел на часы. – Действуй, майор, реабилитируй себя. Известно только место и примерное время встречи. Понимаю, что задача непростая, но кому сейчас легко?

Это была не просто сложная, а невыполнимая задача! Текли часы, над Берлином собрались тучи, закапал дождь.

Потсдамская площадь находилась к югу от Бранденбургских ворот, в том месте, где смыкались три зоны – советская, американская и британская. Она имела долгую историю, в семнадцатом столетии она являлась городской окраиной, перекрестком пяти дорог у Потсдамских ворот. В девятнадцатом веке здесь был возведен железнодорожный вокзал, и площадь стала крупным пересадочным пунктом. Тут всегда бурлила жизнь, сновали люди. На площади появилась станция подземки, росли отели, увеселительные заведения,

предприятия общественного питания.

Сейчас практически вся площадь лежала в руинах, была завалена мусором.

Как ни странно, в вечернее время продолжали работать рестораны, кабаре и варьете. Там гремела музыка, танцевали и развлекались люди. Район считался средоточием местной проституции.

Но днем тут все выглядело уныло. Царил неубываемый запах копти и гниения трупов. Люди к нему уже привыкли.

Восточная часть площади использовалась как склад для хранения стройматериалов. Там гремели самосвалы, рычали бульдозеры.

В западной части Потсдамерплац работал стихийный блошиный рынок. Не сказать что власти приветствовали его появление, но особо работе не препятствовали. Сюда заглядывали не только советские патрули, но и британские, американские. До них никому не было дела. На рынке всегда былолюдно. Среди военных сновали подозрительные личности, в кулуарах заключались сомнительные сделки.

Сюда поступали продукты, украденные с армейских складов, и продавались по сумасшедшим ценам. В армиях союзников отмечалось такое же воровство. В этом советские интенданты и снабженцы были неоригинальны.

На рынке постоянно терлись американские и британские военные, мелькала советская форма. Но в основном сюда приходили простые берлинцы в надежде приобрести про-

дукты, обменивали на еду припрятанные ценности.

В северном конце площади выстроилась очередь к советской полевой кухне. Посуду немцы приносили с собой. Розовощекий крепыш в поварском колпаке ловко орудовал поварешкой, вываливал кашу в протянутые миски. Но удовлетворить потребности всего района он не мог.

– Граждане, каша капут! – объявил боец, скрестив руки над головой.

Над очередью прошелестел горестный вздох. Люди неохотно расходились, шли на рынок. Здесь продавали и обменивали практически все: старую и новую посуду, картины, одежду, одеяла, книги, школьные учебники, предметы мебели, патефоны, древние телефонные аппараты. Кто-то продавал полуразобранный мотоцикл, кто-то – мешки с крупой, стыдливо прикрытые довоенными календарями. В продуктовых рядах народ разбирали страшноватую мелкую картошку с глазками, капусту, морковь. Вдоль рядов блуждали толпы людей, одни приценивались, другие делали покупки.

Наступила эпоха натурального обмена. Хотя в ходу по-прежнему были и деньги. Это рейхсмарки – за неимением других, английские фунты стерлингов, американские доллары, советские рубли.

Градов расставил людей. К услугам рядовых красноармейцев он решил не прибегать, обжегся уже. Романовский занял западный участок площади, Грамарь стоял на юге, где продавались семена и сыпучие продукты. Капитан Нагорный

обосновался в восточной части рынка, делал вид, что приценивается к товару.

Все подчиненные были в форме. В противном случае Влад не смог бы выявить их в толпе.

Обмундирование тут никого не смущало. В присутствии военных люди даже чувствовали себя спокойнее, но на всякий случай не пересекались взглядами с советскими солдатами и офицерами.

Градов бродил по центральному ряду, делал вид, что приглядывается к товару, а сам наблюдал за лицами людей. Иногда он как бы невзначай крутил головой, искал своих товарищей и не всегда их находил. Что-то постоянно заслоняло ему обзор.

Подползли черные тучи, и дождь усилился. Люди поднимали воротники, раскрывали зонты, натягивали на головы капюшоны. Другие бродили по рынку как ни в чем не бывало, не замечали воды, льющейся с неба.

Влад извлек из вещмешка плащ-палатку, накинул на голову и плечи. Торговцы спешно натягивали над товаром брезентовые тенты. На рынке стало свободнее. Дождь зарядил надолго. Тучи уплотнились, усилился ветер. Исчезли коробейники с табачными изделиями.

Продавцы опускали глаза, когда Градов смотрел в их сторону.

К майору привязался какой-то щуплый безумец.

Он шел, прихрамывая, за ним по пятам и бормотал на ло-

маном русском:

– Продай форму, продай форму.

Влад не выдержал, резко повернулся, положил руку на кобуру. Предпринимателя как ветром унесло.

Дождь, как ни странно, пошел на спад, но продолжал моросить. По рынку в серой хмари сновали размытые силуэты.

Влад притормозил у лотка. Торговец сразу возбудился, стал навяливать весь ассортимент – галстуки, шляпы, германские кепи военного образца.

Майор отмахнулся. Взгляд его скользил по рядам. Романовский смотрел на командира и горестно вздыхал. Грамаря Градов не засек, но вычислил Нагорного в дальних рядах. Капитан перелистывал книгу, из-под бровей следил за обстановкой.

Во всем происходящем не было смысла. Если «крот» и собирался встретиться на рынке со связным, то вряд ли им что-то могло помешать. Засечь мимолетный контакт практически невозможно. Пересекутся взгляды, прозвучит пароль, одна рука сунет в другую записку. Потом люди разойдутся как в море корабли.

Отчаяние пощипывало нервы майора.

«Неверный способ мы избрали, другим путем следовало идти», – подумал он.

Под навесом в глубине ряда военный с погонами сержанта тискал девку в платочке. Барышня не возражала, сдавленно хихикала. Корыстный интерес тут, разумеется, присутство-

вал. Немцы ошибочно полагали, что все русские теперь богатые. У них всегда водятся дензнаки, консервы, тушенка. Можно и потерпеть ради хорошего дела.

Видимо, барышня и была инициатором встречи. Она лопотала с придыханием, смотрела в глаза красноармейцу с щенячьей преданностью. Когда Влад проходил мимо, боец опустил руки, сделал постное лицо. Женщина обернулась и тоже замолчала. Она была худая и некрасивая.

Влад не стал вступать в разборки. Дело житейское, сами решат. Да и венерических заболеваний у солдат после его вмешательства меньше не станет. Когда он обернулся, женщина уже тянула ошалевшего бойца к строениям, расположенным на краю рынка. Любовь их постигла, не иначе.

Это еще не самое худшее. Немок наши солдаты пользовались на каждом шагу и далеко не всегда спрашивали разрешения. Сладить с этим бедствием было невозможно, оставалось лишь констатировать факты и копить заявления от пострадавших, которые шли в комендатуры сплошным потоком. Эти бумаги там назывались на английский манер – аффидевитами. Военные чиновники старались составлять их правильно. Иногда они помогали сделать бесплатный аборт.

Взгляд Градова споткнулся о советского офицера. Тот стоял спиной у лотка с матерчатыми изделиями, перебирал платки. Видимо, для сестры, жены, матери. Он был в фуражке, в брезентовой накидке с опущенным капюшоном. Рядом встал какой-то местный в пальто из потертой кожи.

Влад напрягся.

Берлинец потянулся к шапке из каракуля, стал мять ее, потом положил обратно, оторвался от прилавка, двинулся дальше.

Градов расслабился. Он был уверен, что эти двое не разговаривали и ничего друг другу не передавали. Мужчина в штатском споткнулся, выругался по-немецки. Офицер, перебиравший платки, вздрогнул, посмотрел ему в спину, затеял общение с торговцем, принялся жестикулировать.

В какой-то момент он повернулся. Их взгляды встретились. Лицо было незнакомое, какое-то иссушенное, с тонким носом.

Офицер нахмурился и спросил:

– Все в порядке, товарищ? Вы как-то странно смотрите на меня.

– Прошу прощения, задумался о своем, – сказал Градов, простовато улыбнулся и двинулся дальше.

Это было не то. Человек с грешками за душой отреагировал бы иначе, будь он даже эталоном хладнокровия. Офицер за его спиной начал торговаться, значит, человек честный. Мог бы забрать платки на своих условиях или вовсе ничего не платить.

Снова усилился дождь. Поредела толпа на рынке.

В этот момент Влад и обнаружил, что Грамарь с южной стороны подает ему знаки. Обычно невозмутимый, он был явно возбужден, мялся с ноги на ногу, тыкал пальцем себе

за спину.

У майора екнуло сердце. Что такое?

Романовский тоже напрягся, стал озираться. Влад мотнул головой. Мол, туда!.. Молодой оперативник понятиливо кивнул, стал пробираться к южному выходу. Капитан Нагорный на восточной стороне не сразу оторвался от своей книги. Чего он там изучал? Труды великих германских мыслителей? Наконец-то он поднял глаза, уперся в злобный командирский взгляд, сглотнул и тоже долго не тормозил.

Все трое с разных концов площади устремились на юг. Когда они вышли из рядов, Грамаря там не было. Он откатился к разрушенному зданию увеселительного заведения и снова семафорил. Оперативники припустили через пустырь, собрались на углу. Прихрамывающая молодая женщина в чудной шляпке испуганно шарахнулась от них и двинулась в обход.

– Мужчина лет пятидесяти, – зачастил Грамарь, – высокий, в шляпе, потертый коричневый плащ, под ним костюм с галстуком. Роба худая, нос острый. Уходил с рынка очень испуганный, часто озирался. Шмыгнул в этот переулок.

– Ты обратил на него внимание только потому, что он испуганный, как тебе показалось, уходил с рынка?

– Есть другие варианты, товарищ майор? – с обезоруживающей простотой воскликнул лейтенант. – Это было единственное, на что я обратил внимание. У вас и того нет.

Вот черт. Это и есть та самая простота, что хуже воров-

ства! Но выбора действительно не было. Грамарь бормотал, что с этим типом определенно что-то не то, у него интуиция, он нормальный сотрудник. Мол, вы же знаете, товарищ майор!

Градов отмахнулся, шагнул в переулок. Там, как назло, было полно народа. С этого края площадь подпирали жилые строения. Брели какие-то люди в штатском, тащили сумки и сетки. У продовольственного магазина разгружался старый «студебекер». На двери заведения висела табличка, извещающая, что оно закрыто.

Оперативники влетели в переулок, стали вертеть головами.

– Да где же он, мать его за ногу? – пробормотал Грамарь. – Полминуты назад вошел в этот переулок, далеко уйти не мог.

Сбежать этому типу было некуда. Магазин закрыт, других дверей или проулков в обозримом пространстве не было.

Оперативники двинулись вперед, заняв всю ширину переулка. Усилился дождь, небо потемнело. Влад замялся. Грузчики втаскивали в боковую дверь тяжелый ящик. А если он тоже сюда проскочил?

– Товарищ майор, вот же он! – прохрипел Грамарь. – В нише стоял, а теперь удрать норовит!

Фигурант убежал довольно далеко, пока оперативники выясняли отношения за водосточной трубой. Долговязая личность торопливо уходила, прижимаясь к стене здания. Мужчина воровато озирался, глаза его бегали, он был дей-

ствительно испуган.

Клиента закрыла группа берлинцев, следующая в попутном направлении, но он оторвался от нее и предстал перед офицерами контрразведки Смерш во всей красе! Субъект обнаружил погоню, застыл, омертвел от страха. Он явно не был профессионалом и опыта шпионской работы не имел, иначе стащил бы с головы свою дурацкую шляпу!

«Дилетант какой-то», – подумал Влад, отстраняя с дороги зазевавшуюся старушку.

Люди волновались, прижимались к стенам.

Догнать этого типа было несложно. Однако он вдруг сорвался с места, перебежал по диагонали открытое пространство и шмыгнул в узкий проулок. Офицеры сорвались за ним.

Чертов грузовик выехал в переулок и перекрыл дорогу. Только этого не хватало! Водитель, очевидно, был туп и слеп. Оперативники уперлись в борт «студебекера».

– Убери машину, кретин! – дурным голосом выкрикнул Нагорный.

В одной руке сверкало удостоверение, другой он сжимал пистолет. Люди, находившиеся поблизости, хлынули врассыпную.

«Снова панику сею», – мелькнула мысль в голове Влада.

Водитель побледнел, стал совершать судорожные движения. Он не был силен в советских специальных службах, но оружия боялся, особенно когда оно было направлено ему в

лоб.

Машина дернулась, въехала на поребрик и заглохла. Матерились офицеры дружно. Нагорный продолжал орать, и у водителя окончательно упали руки.

Влад бросился к капоту. Между машиной и стеной дома сохранилось пространство шириной в тридцать сантиметров. Он протиснулся, обдирая форменную куртку, помчался с ускорением, вписался в поворот.

Фигурант уже исчез. Градов припустил по переулку, слышал, как, отдуваясь, за ним сворачивают товарищи.

Район был не самый пострадавший, по крайней мере, кирпичные заборы с двух сторон сохранились. Справа тянулась глухая стена то ли тюрьмы, то ли некоего засекреченного предприятия. Снова сыпал дождь, колючий, холодный, бил по голове, проникал за воротник.

Рослый субъект пропал, но что-то подсказывало майору, что ему не набрать высокую скорость. Он находился где-то здесь.

Слева показались руины небольшого здания. Бомба попала в крышу, пробила ее насквозь, взорвалась на первом этаже и превратила строение в гору мелкого крошева. Забор на этом участке тоже рассыпался на кирпичи.

Далее по переулку возвышался трехэтажный вытянутый дом с продольной галереей в бельэтаже. Часть его рассыпалась в прах, другая стояла, зияя пустыми глазницами.

– Вон он, вижу! – выкрикнул Романовский и помчался

быстрее лани.

Беглец как-то перелез через кирпичи, спешил к зданию, постоянно озираясь. Он понял, что попался, испустил тоскливый вой, ускорился, бежал, перепрыгивая через кучи мусора и обломки оконных пролетов, приближался к лестнице, ведущей на галерею второго этажа. Задумка логичная – спрятаться в здании, авось пронесет. На открытом пространстве шансов у него точно не было.

Майору оставалось поднажать. Беглец уже подбежал к лестнице. Влад выстрелил в воздух. Мужчина вскрикнул от страха, остутился, ударился коленом о ступень, но снова лез, хватался за перила. Градов вырвался вперед, ускорился. Что мешало им взять живым этого доходягу? Не управятся – позор на его преждевременно поседевшую голову! К тому же этот субъект был безоружен!

– Романовский, Нагорный, дуйте прямо на другой торец здания! Встречайте клиента, если я замешкаюсь! Грамарь, тащи свою задницу на заднюю сторону, следи, чтобы в окно не сиганул! Брать только живым, нам покойники не нужны!

Сотрудники рассыпались. Градов прыгал через ступени, отмечая нечто странное. Что не так? Почему волосы на затылке шевелятся, с чем это связано? У него даже не было возможности обернуться. К черту! Добыча близко.

Он выпрыгнул на широкую полуоткрытую галерею, прорезающую длинную сторону здания. Потолок подпирали колонны, тянулись арочные проходы. Между колоннами чер-

нели ниши.

Рослый мужчина далеко не ушел, сказывался возраст. Он ковылял по галерее, продолжая озираться. Лицо его побелело от страха. Шляпа слетела с головы, поблескивала лысина, обрамленная пучками седых волос.

Лучшей кандидатуры его боссы не нашли?

Треснула половица под ногами, ступня провалилась. Градов ахнул, загремел на пол и только чудом не сломал щиколотку. В этом здании его подстерегали сюрпризы. Когда он поднялся, объект погони был уже далеко.

Майор начинал раздражаться. До чего упрямый мужчина! Но сбежать он все равно не сможет. На другом краю галереи его будут поджидать товарищи. Они, поди, уже там.

Он снова выстрелил в воздух, надоело ему бегать. От свода откололась лепешка штукатурки, шлепнулась под ноги. Спасибо, господи, что не на голову.

У беглеца от страха перепутались ноги, он растянулся на полу, отбил локоть.

За спиной майора простучала автоматная очередь! Ноги его подломились. Пули были совсем рядом, едва не касались. Страх пронзил Влада от пяток до макушки. Он катился по полу, продолжая сжимать рукоятку пистолета, влетел в нишу между колоннами, кляня себя последними словами.

«Как проворонили? Кто-то висел на хвосте, а мы даже не удосужились обернуться! Почему промазали, даже не ранили? Стреляли в спину с лестничной площадки. Попадет да-

же человек, впервые взявший автомат. Значит, стреляли не в меня. По крайней мере, я не был первоочередной мишенью, перекрыл своим туловищем мужчину в плаще, но, видимо, не совсем».

Объект преследования хрипел в двадцати метрах по галерее. Он действительно был при галстукке, его язычок тащился по полу, а сам мужчина стоял на четвереньках, безумно поводя глазами. Прогремела вторая очередь. Беглец вспомнил, что надо выживать, завизжал, метнулся в нишу.

«Значит, мы не ошиблись? Потенциально опасный фигурант должен быть уничтожен? За несостоявшейся встречей кто-то наблюдал со стороны. Или она все же произошла?»

Градов оттолкнулся ногой от стены, выкатился в проход и стал стрелять, не вставая, сжимая рукоятку «ГТ» двумя руками. В темном проеме что-то шевельнулось, прогремела еще одна очередь, какая-то рваная, незаконченная. Послышался звук падающего туловища, запрыгал по ступеням автомат.

Влад подпрыгнул, бросился вперед, меняя на ходу обойму. Ему пришлось остановиться. Ноги работали быстрее, чем руки. Он передернул затвор, дослал патрон в патронник.

– Командир, ты жив? – выкрикнул с обратного конца галереи Нагорный.

Нет, это призрак его тут бегаёт, отлученный от тела. Влад рассмеялся, но как-то утробно.

Товарищи благополучно обогнули здание и контролиро-

вали дальнюю сторону. Автоматчик мог быть не один. Никто же не смотрел назад.

– Нагорный, держите мужика, чтобы не сбежал! Да осторожнее там, – распорядился майор, подбежал к проему, осторожно высунулся.

Свет на лестничную площадку проникал в урезанном виде, но не заметить тело на ступенях было трудно. Пули отбросили его от проема, ноги были задраны, руки разбросаны. Он лежал лицом вверх.

Влад перебежал через площадку, пристроился на корточках. Плоский фонарик хранился в нагрудном кармане. Мглистый свет пробежался по оскаленному лицу, озарил кепку, слетевшую с головы. Субъект был в штатском, носил приличные ботинки, забрызганные грязью, бесформенную куртку, способную спрятать не только автомат, но и «фауст-патрон». На вид ему было около сорока, среднего роста, в меру откормленный, пару дней назад побрившийся. Очевидно, документы этот парень имел безукоризненные, если разгуливал по городу с автоматом.

Он выключил фонарик, сместился к стене. Что-то в голове тревожно тикало. Градову казалось, что там будильник, и сейчас он разразится пронзительным звоном.

На улице все было тихо. Нижние ступени заливал мерклый дневной свет.

Скоро прибежит патруль. Он не может не появиться здесь. Майор поднялся, сделал несколько шагов по ступеням.

Мерклый свет сделался четче, понятнее.

– Товарищ майор, осторожно! – проорал кто-то с улицы. Автомат хлестнул одновременно с подоспевшим Грамарем. Градов рухнул на колени. Боль в суставах дошла до мозга. Пули откололи штукатурку со стены. Едкий запах плесени ударил в нос. От стены к перилам кто-то перебежал, произвел вторую очередь, но Градов уже лежал неловко, подогнув отбитые колени.

С улицы вел огонь Грамарь. Пистолетные выстрелы сыпались один за другим. Обойма, однако, не вечная.

Противник скорчился, огрызался короткими очередями. Он находился в слепой зоне.

Влад сполз по ступеням, снова обхватил рукоятку. Теперь он видел, как за деревом возился Грамарь, перезаряжал «ТТ». Высунулся силуэт, стегнул пулями. Оперативники ударили по нему одновременно. Тот запоздало сообразил, что оказался меж двух огней, заполз в нишу под лестницей.

– Товарищ майор, я его держу! – прокричал из-за дерева Грамарь. – Он теперь у меня не высунется!

За спиной кто-то топал. На лестничную площадку вынесся Романовский, растерянно закружился.

– Ложись! – взревел майор.

Лейтенант повалился без разговоров.

Пули трепали стену, выбивали пласты штукатурки. Потом наступила тишина. Было слышно, как неприятель, загнанный в ловушку, меняет магазин.

– Товарищ майор, держите гранату, – прошептал Олежка. Он извивался, лежа на полу, извлекал из подсумка «РГД».

– У меня всегда с собой есть, я запасливый. Сбросьте на него, а то убьет еще кого-нибудь, а нам потери зачем?

Потери действительно не требовались. Их уже с избытком, на сто лет вперед. Оперативники выбывали из строя, как пехотинцы в чистом поле под плотным пулеметным огнем.

Комочек металла запрыгал по ступеням. Влад перехватил его в последний момент, тот едва не ускользнул. Не в мяч же играем, право слово.

Он выдернул чеку, отправил гранату дальше, а сам прыжком взлетел на площадку и повалился на Олежку. Больше было некуда. Подчиненный помалкивал, только сдавленно пыхтел.

Граната хлопнула, разлетелись осколки. Сноп дыма повалил из-под лестницы.

– Можно и так! – донесся с улицы нервный голос Грамари. – Голь на выдумки хитра.

– Послушайте, товарищ майор, я же вам не женщина, право слово, – прокряхтел Романовский. – Полежали и хватит, а то мне дышать нечем.

Смешинка в рот попала, рвалась наружу. Градов скатился с товарища, бросился вниз, держа пистолет в вытянутой руке. Всякие казусы случались на этой войне.

Смотреть под лестницу не стоило. Осколки порвали

стрелка в лохмотья. Мощность у «РГД-33» так себе, но рванула она прямо перед носом. Лицо представляло собой кровавое месиво. Кровь хлестала как из коровьей туши.

Подбежал Грамарь, озадаченно почесал пальцем висок.

– Что стоишь, лейтенант? – буркнул Влад. – Проверь у гражданина документы. Подозрительный он какой-то.

– Да где же их искать? – спросил Грамарь. – Тут такая каша.

– Ищи, говорю, и радуйся, что это он, а не ты.

У майора закружилась голова. Перила под рукой оказались кстати. Такое состояние, словно покурил через сутки воздержания от табака. Мир плывет, туловище не слушается.

Сверху кричал Нагорный, интересовался, все ли живы. Оперативники что-то отвечали ему, пытались шутить.

В рябющем тумане возник патруль. Со стороны переулка бежали трое красноармейцев с повязками на руках. Они трясли оружием, что-то грозно кричали. От греха подальше Влад и Грамарь подняли руки.

– Отставить, Смерш, проводится специальная операция! – горланил с лестницы Романовский.

Красноармейцы были тертые калачи. Двое держали офицеров на прицеле, третий проверял документы. Потом бойцы расслабились, стали смущаться, спрашивать, не нужна ли помощь.

Тело, растерзанное осколками, не осталось без внимания. Молодой красноармеец отшатнулся, окатил стену рвотой.

– Молодой еще, не насмотрелся, – проговорил усатый сержант. – Но вы, товарищ майор, тут и впрямь разгулялись. Мать честная, да наверху еще один!

Градов расставил бойцов по периметру, чтобы отгоняли посторонних. Наплыва публики не ожидалось, но все же.

Злоумышленников было двое. Они пасли связника на рынке, а когда тот попал под наблюдение, пристроились в хвост. Есть еще чему поучиться в оперативной работе!

– Товарищ майор, я нашел у него документы! – Грамарь тряс бумагой, сложенной вчетверо.

Руки у парня были в крови. Он словно вскрытие проводил без инструмента.

– Так, сейчас полюбуемся. – Грамарь развернул документ. «Только бы не англосаксы, – машинально подумал Градов. – Они напали первыми, но попробуй докажи».

– Питер Швабе, – объявил Грамарь. – Сотрудник службы охраны берлинского магистрата. Держу пари, товарищ майор, что это не так!

– И у меня немец, тоже из службы безопасности городской управы, – сказал Романовский. – Гюнтер Рихтерманн. Даже есть разрешение на ношение оружия. А что, это умно, товарищ майор. Патрулям попадутся, оружие изымут, а задержать не должны. Больше ничего, товарищ майор. Я имею в виду по нашей линии.

Головокружение прошло. Майор поднялся на галерею.

На полу, скорчившись в позе зародыша, лежал клиент и

мелко подрагивал. Руки у него были стянуты ремнем в запястьях, вокруг глаза расплывался фиолетовый синяк.

Нагорный сидел рядом, привалившись к перилам галереи, прижимал платок к виску. Из порванной кожи сочилась кровь.

– Все в порядке? – спросил Влад.

– Нет. – Капитан покачал головой. – На хрена вы мне оставили это чудище? Поначалу спокойно лежал. Я его для надежности по затылку треснул. Жалкий такой, умолял пощадить, дескать, он простой преподаватель. Потом у вас страсти разгорелись. Я решил сбегать посмотреть, все ли в порядке. Возвращаюсь, а он уже утекает по коридору. Не человек, а заяц. Я ему подножку, потом в глаз, давай руки вязать. Он мне подошвой в висок так заехал, что я чуть копыта не откинул, ей-богу, командир. Влепил ему повторно в тот же глаз, обездвижил, так сказать. Это, кстати, не зубр шпионского дела, обычный обыватель, интеллигент, использовался втемную. Его пасли ребята посolidнее, но их вы уже сделали.

– Вернемся, посети медсанчасть, – сказал Градов и присел на корточки перед задержанным.

На того было жалко смотреть. Он вроде не притворялся, искренне жалел о том, что дал себя втянуть в шпионскую игру. Зубы его стучали от страха. Фигурант обливался потом, узорчато переливался синяк под глазом.

– Извольте представиться, милейший, – вежливо попро-

сил Градов.

– Меня зовут Максимилиан Краузе, – с усилием выговорил субъект. – Вы не понимаете. Я ни в чем не виноват, меня заставили, шантажируя жизнью сестры. Я даже не понимал, что делаю, просто выполнял инструкции, данные мне. Я обычный преподаватель, работаю в техническом колледже, обучаю студентов механике.

– Разберемся, герр Краузе. Если вы ни в чем не виноваты, то получите глубочайшие извинения от компетентных органов. Вас, кстати, хотели убить. Это были не мы, а люди, отправившие вас на рынок. Ненадежные у вас партнеры, согласитесь. С такими негодьями лучше не связываться.

– Я ничего об этом не знаю. Эти люди мне не партнеры.

– Ладно, парни, пакуйте его, – бросил Влад. – В отделе будем разбираться.

Глава третья

После обеда зарядил густой дождь. Он лил как из ведра, превращая разрушенный город в болото. На улицах образовались лужи, машины буксовали в ямах, заполненных водой. Громыхал гром, в небе вспыхивали росчерки молний.

Градов задумчиво смотрел в окно, постукивая карандашом по столешнице.

В Красной армии довольно широко использовался гужевой транспорт. Лошади бензина не требовали, а сена и кормов на заброшенных немецких складах осталось с избытком.

Повозка сломалась на аллее, тянущейся вдоль здания. От нее отвалилось колесо. Возница сокрушался, бегал вокруг телеги. От груза он давно избавился, видимо, привез продукты в штаб. Лошадь стояла под дождем, понуриив голову, помахивала хвостом. Сзади подъехала «эмка» с офицерами, водитель нетерпеливо гудел. Телега, пропади она пропадом, загородила весь проезд!

Влад задернул штору, оторвался от окна. В комнате для допросов было сухо и тепло. Сотрудники с отсутствующим видом сидели по углам. Олежка Романовский еле сдерживал зевоту.

Арестант ерзал по табурету, дрожащие руки лежали на коленях. Голова была опущена. Это верный признак покаяния. Из документов явствовало, что это действительно Максими-

лиан Краузе, пятьдесят один гол, место проживания – район Веддинг, улица Кальтштрассе, дом девятнадцать. Документы у господина Краузе были подлинные, и напрашивался вывод, что отчасти в своих показаниях он не врал.

– Я все расскажу, мне нечего скрывать, – пробормотал Краузе. – Это какая-то глупость, я раскаиваюсь, что допустил такое.

По глазам его было видно, что он сожалеет о содеянном. Чтобы изобразить такой страх, надо иметь талант. Клиент сам не понял, во что ввязался. Но преступление было совершено, и отвечать за него придется.

Капитан Нагорный извлек из пачки папиросу, закурил, выдохнул облако дыма.

Краузе закашлялся, схватился за горло.

– Господин майор, я вас умоляю, скажите своему человеку, чтобы он не курил. У меня астма, я не переношу табачный дым.

– Что он там бормочет? – хмуро осведомился Нагорный.

– Просит, чтобы ты не курил.

– Он что, издевается? – вспыхнул Нагорный. – Совсем охренел. Мало того что чуть мне голову не разбил!..

– Ладно, отойди к окну и открой форточку. Не хватало нам, чтобы этот астматик тут загнулся. Вспомни о сострадании, капитан.

– Точно! – Нагорный хлопнул себя по лбу. – Очень уместное слово. – Он со скрипом распахнул форточку, выдохнул

в нее порцию дыма.

– Повествуйте, герр Краузе, не испытывайте наше терпение, – мягко проговорил Градов. – Все от начала до конца и только правду.

– Вы, наверное, не вполне понимаете. Я сугубо мирный человек, – пробормотал Краузе. – Никогда не состоял ни в каких партиях, не поддерживал бесчеловечный режим Адольфа Гитлера. Я скромный преподаватель, обучал студентов техническим дисциплинам. Сейчас колледж закрыт. У меня больная мать, у нее проблемы с сосудами.

– Вы женаты?

– Нет, я холостой. – Краузе замотал всклокоченной головой. – Так и не женился, детей нет. У меня есть сестра Марта, она работала в секретариате районного управления СС... Нет, не подумайте, – опомнился он. – Да, она состояла в Союзе немецких женщин, но это было исключительно формальное членство. Марта занималась только канцелярской работой, не участвовала в общественных мероприятиях или, боже упаси...

– Переверните эту страницу, герр Краузе, – сухо сказал Влад. – Дальше.

– Да, я понимаю. – К мужчине возвращалось самообладание.

Он уже не вздрагивал после каждого слова в свой адрес. Глаза его перестали слезиться, хотя всепоглощающая библейская грусть там все еще присутствовала.

– В нашем районе сейчас хозяйничают англичане и французы. Марту арестовали девятого мая, пришли к ней домой и увезли. Она виновата только в том, что работала в плохой организации. Потом ко мне пожаловали какие-то люди, показали документы, предложили поговорить.

– Облегчу вашу задачу. Представители английской спецслужбы – возможно, МИ-5, МИ-6 или Управления специальных операций – предложили вам поработать на них.

– Да, но это было необязательно и не так, как вы подумали. Я в некотором роде состоял у них в резерве, меня могли задействовать для какой-то задачи или же оставить в покое.

Офицеры переглянулись. Существует такое понятие, как «план Б». Он реализуется, когда провален или невыполним основной.

Этот план был введен в действие именно на Потсдамер-плац, после неудачи миссии на Беренштрассе. Данные от «крота» в обязательном порядке должны были дойти до адресата, предположительно берлинского филиала Управления специальных операций. В первом случае действовали профессионалы, во втором – дилетант. В этом, невзирая на кажущуюся глупость, имелись свои резоны.

– Вы впервые выполняете подобное поручение?

– Впервые. – Мужчина сглотнул. – Поймите меня правильно, я простой преподаватель.

Возможно, он преувеличивал свой страх, давил на жалость, но в любом случае не был мастером по психологиче-

ским штучкам.

– То есть вы, простой преподаватель, безропотно согласились работать на британскую разведку?

– Они сказали, что так я могу спасти из заключения Марту. Ее до сих пор держат в тюрьме на Людвигштрассе. За две недели Марта сильно сдала. С ней плохо обращаются, дознаватель угрожает, что передаст ее русским. Уж простите. Помимо прочего люди, предложившие мне эту работу, обещали щедрую оплату за нее в любой валюте на мой выбор, включая американские доллары. Нам нечего есть, господин майор, а цены на рынке ужасающие. Я уже полтора месяца сижу без работы, скудные сбережения давно кончились. Я знаю, что в советском секторе жителям Берлина власти безвозмездно дают еду, в каждом квартале работают полевые кухни, людей кормят и ничего не требуют взамен. Я сам это видел. В западной части Берлина такое не практикуется. Там все устроено иначе. Людям приходится выживать самостоятельно.

– Кто вас вербовал?

– Их было двое. Бенджамин и Дженни.

– Дженни – женское имя, не так ли?

– Да, конечно, господин майор. Это была женщина. Они не называли свои фамилии, только показали документы. А может, называли, но я не помню. Мужчина высокий, худой, у него овальное лицо и невыразительные глаза. Женщина невысокая, худощавая, у нее темные, волнистые, довольно короткие волосы, а еще глаза с иронией. Они оба хорошо го-

воят по-немецки. Чувствуется акцент, но речь правильная.

– Где вы общались?

– Меня привезли в какое-то здание на Ройхерплац, завели с заднего двора. Над крыльцом висели британские флаги. Там стояли джипы, сновали люди в военной и гражданской одежде. Но мы разговаривали в дальнем крыле, где почти никого не было. Я дал свое согласие, что-то подписал, и меня отпустили.

– Вы даже не знаете, что подписали?

– Я пытался прочитать, но очень волновался, стекла очков запотели.

Резон в действиях британских коллег, по-видимому, имелся. Дилетанта не заподозрят. Задача не самая сложная: получить нечто – скорее всего, записку – и вернуться в английский сектор. Тем более под присмотром двух сотрудников берлинского магистрата.

Краузе был не просто дилетантом, а рекордсменом по этой части. Но британские коллеги майора Градова снова оказались правы. Подобные персонажи никогда ничего не знают.

Но почему тогда его пытались убить? Он мог описать приметы людей, завербовавших его?

История выходила запутанная. Прав был полковник Троицкий. Что-то зрело.

– Рассказывайте дальше, герр Краузе, не томите.

– За мной заехали сегодня в полдень, привезли в то же здание. В машине были капрал и двое рядовых британской

армии. Со мной опять разговаривали Бенджамин и Дженнифер. Сначала они говорили пафосные слова. Возрожденная Германия при участии своих западных друзей будет строить демократическое общество и должна всячески противодействовать агрессивным устремлениям с востока. Мне выпала большая честь, я должен забрать какие-то сведения на Потсдамской площади. Ко мне подойдут, передадут записку. Потом я должен буду немедленно покинуть площадь, вернуться в британский сектор. Они уверяли, что это безопасно, меня будут страховать, советская контрразведка ни о чем не узнает.

– Кто должен был прийти на встречу?

– Да откуда же я знаю? – истерично выкрикнул Краузе. – Выходит, что этот человек знал меня в лицо, мог видеть мой снимок, сделанный в здании на Ройхерплац. Он должен был сказать: «Не желаете приобрести собрание сочинений Фридриха Энгельса?» Ответ следующий: «Да, с радостью, но только не „Манифест Коммунистической партии“, который я уже читал». Боже правый, я понятия не имею, кто такой Фридрих Энгельс и зачем мне нужны его сочинения. – Краузе закатил глаза к потолку. – Но я все прилежно выучил. Человек должен был подойти, сказать условную фразу, дожидаться отзыва, а потом мне что-то передать. Желательно так, чтобы не видели окружающие. Я, наверное, полчаса ходил по этой чертовой площади, делал вид, что прицениваюсь к одежде. Пошел дождь, я весь промок. Потом меня застали

врасплох. Кто-то подошел справа, велел не поворачиваться, произнес условную фразу. Я сделал все так, как он говорил, произнес отзыв.

– Это был мужчина?

– Да, конечно.

– На каком языке вы говорили?

– Как на каком? – удивился Краузе. – На немецком. Я не знаю других языков.

– Его речь была чистой?

– Нет, чувствовался сильный акцент. Еще мне показалось, что он хочет изменить голос.

– Не сочиняйте, герр Краузе, что вы его совсем не видели.

– Он был в глубоко надвинутом капюшоне. Темно-коричневый макинтош. Рост примерно средний, ниже меня. Голос с легкой хрипотцой. Извините, но боковое зрение у меня не очень хорошо развито.

– Узнаете его по голосу?

– Возможно. Не уверен. Но он должен говорить по-немецки.

– Что было дальше?

– Он достал из кармана плаща сложенную записку. Я уже протянул руку. И вдруг все пошло не так. Он, видимо, что-то почувствовал или увидел людей, которых боялся. Я не знаю, не могу сказать. Мне кажется, он сильно испугался, не стал отдавать мне записку, скомкал ее, выбросил в грязь и прошептал: «Не поднимайте, уходите немедленно». Или что-то

в этом духе. За дословность не ручаюсь. Я тоже испугался. Рука онемела. – Краузе закашлялся.

Влад досадливо поморщился.

«Значит, мы чем-то выдали себя на рынке. На эту парочку не смотрели, и все же „крот“ засек наблюдение, предпочел не рисковать, избавился от компрометирующих его материалов.

Кого он заметил? Капитана Нагорного, вдумчиво читающего книгу? Олежку и Егорку, которые вертели головами? Лично меня, майора Градова, чей образ также плохо гармонировал с завсегдатаями рынка?»

– Этот человек очень быстро ушел, – прокашлявшись, продолжал Краузе. – Он просто нырнул в толпу. Я видел лишь спину. Данный тип сутулился, его голову закрывал капюшон. Мне было безразлично, в какую сторону идти. Я плохо соображал в ту минуту, двинулся к выходу с рынка, сильно нервничал.

«И в этот момент попался на глаза Грамарю, – удрученно подумал Градов. – А „крот“ тем временем уже покинул опасную зону и скрылся в неизвестном направлении».

– Дальше все понятно, герр Краузе. Вы засекли наших людей, попытались скрыться.

– Да, я признаю. – Краузе заметно побледнел. – Это выглядело глупо, но я сильно испугался.

– То, что вы живы, – исключительно заслуга советской контрразведки. Вы же не станете спорить с этим? Вас хотели

убрать люди, давшие вам работу. Вы стали опасны для них. Хотя не понимаю, почему так вышло. Согласно вашим показаниям, вы практически ничего не знаете, кроме имен и примет людей, вас завербовавших, а также здания под британским флагом, где это происходило.

– Этого мало? – Краузе опустил голову и уперся глазами в пол.

Он не был дураком, невзирая на склад характера и полную непригодность для агентурной работы. Британцы решили соригинальничать, а получилось это у них совсем плохо.

– Да, я понимаю, что обязан вам жизнью. Готов сотрудничать, но ума не приложу, что могу для вас сделать.

Судя по всему, ничего. Герр Краузе превратился в отработанный материал. Выжать из него было нечего. Использовать против прежних хозяев – глупо. Обладатели документов на имена Швабе и Рихтерманн мертвы, их руководство скоро об этом узнает. Если это уже не произошло.

Майору было жалко этого человека. От безысходности тот подписался на авантюру. Дело не выгорело, вреда Советскому Союзу он не причинил. Но преступление имело место, а закон суров.

– Опишите место, где вы встретились с этим человеком.

– Это восточная часть рынка, там берлинцы продают ненужные вещи или обменивают их на продукты. Пожилой мужчина со шрамом под глазом сбывает старые люстры, электрические провода, трансформаторы. У него палатка, я

еще подумал, что он живет на этом рынке. Слева сгоревший киоск. От него осталась кучка обугленных досок. Их никто не убирает, и в этой части рынка чувствуется запах.

Немец поскромничал. Ароматами гнили, разложения был окутан весь Берлин.

Хорошо, герр Краузе, мы вас поняли.

– Скажите... – Мужчина задрожал. – Что со мной будет? Я ведь не сделал ничего дурного. Вернее сказать, не успел.

– Признайтесь, герр Краузе, вы состояли в фольксштурме?

Мужчина понимал, что врать бессмысленно. Любая даже невинная ложь цвела пунцовыми пятнами на его физиономии.

– Да, нацисты забирали всех – рабочих, служащих, пенсионеров. Нам дали карабины с тремя обоймами и нарукавные повязки. Клянусь, я не участвовал в боях, не стрелял в ваших солдат. Нас было пятнадцать человек, мирные жители из нашего района. Нам было приказано оборонять баррикаду на Химмерштрассе. За нами присматривал фельдфебель... не помню его фамилии. Он был убит сразу, а мы разбежались, как только появились советские танки. Поймите, мы не собирались воевать, нас силой заставили. Скажите, что со мной будет?

– Из всех новостей, герр Краузе, я имею только одну хорошую, – заявил Градов. – Мы вас не расстреляем, поскольку не воюем с гражданским населением. Остальные новости

только плохие. Обозримое будущее вы проведете в заключении. Далее посмотрим.

Грамарь и Романовский, посланные на Потсдамскую площадь, вернулись через час. Оба цвели, как клумба с георгинами.

– Держите, товарищ майор. – Олежка выложил на столскомканый лист бумаги, грязный, отсыревший. – Особо разворачивать не стали, текст расплылся бы у нас в руках. Так, немного отогнули. Это точно оно, товарищ майор. Мирные граждане города Берлина немного охренели, когда мы всех разогнали и стали в грязи копать. Каждый метр осмотрели возле того мужика со шрамом. Краузе не соврал, все было именно так. Записку под прилавком нашли, ее туда ногой кто-то отбросил, возможно, случайно. Перед этим по ней народ качественно потоптался.

Влад работал пинцетом и ножом, затаив дыхание разворачивал бумагу, как древнюю карту с пиратскими сокровищами. Промокший, порванный в нескольких местах листок лежал перед ним на столе. Он был вырван из офицерского блокнота, выдаваемого штабным работникам. У самого Градова имелся точно такой.

Размытые строчки плясали перед глазами. Половину текста невозможно было прочесть, все размылось. «Крот» использовал химический карандаш, писал печатными буквами.

Градов всматривался в каракули, видимо, выведенные левой рукой, чтобы нельзя было идентифицировать почерк.

В записке были указаны номера частей, стоящих в Берлине, их примерный состав, вооружение, районы расположения: Трептов, Панков, Вайсензе, Фридрихсхайн. Упомянулась охрана мостов через Шпрее, местонахождение казарм, столовых, адреса материальных складов в Лихтенберге и Копенике, арсеналов в округе Пренцлауэр-Берг, между улицами Бергхайн и Райнекштрассе. В конце послания была сделана приписка, сообщающая об отправке в Союз Двести пятьдесят четвертого стрелкового полка, о готовящемся возвращении на родину стрелковой бригады и зенитно-артиллерийского полка.

– Ничего себе, командир, – пробурчал капитан Нагорный и озадаченно почесал затылок. – Серьезный тип, хорошо информирован, значит, не последний человек при штабе. Вот сволочь какая. Не найдем мы его по этим каракулям. Посмотри, он каждую букровку выписывал, почерк менял. Эх, жалко, что нет у нас возможности снять отпечатки пальцев. Враз бы лазутчика вычислили.

– Жалко у пчелки, – заявил Градов. – А процедура дактилоскопии нашему ведомству недоступна. Непонятно, как с этой жеваной мочалки снимать отпечатки. Давайте по существу, товарищи офицеры. В нашем штабе обосновался «крот». Теперь мы это знаем наверняка. Это офицер. Совсем не обязательно, что он занимает высокое положение, про-

сто имеет доступ к сведениям, составляющим военную тайну. Будем искать. Не смотрите на меня так жалобно. Я тоже не понимаю, какую цель преследуют союзники, собирая эти сведения.

– То есть наша разведка не подкачала, – удовлетворенно констатировал полковник Троицкий. – Что ты хочешь, Градов? Мы были союзниками, когда требовалось разбить Германию. Данная задача выполнена. Формально мы друзья, но теперь уже каждый решает свои задачи. Их цель – воспрепятствовать Советскому Союзу, наша – распространить свое влияние на Восточную и Центральную Европу. Ты план действий разработал, Градов? В курсе, что штаб стрелкового корпуса – весьма раздутая структура, и найти в ней «крота» задача та еще? Сведениями о дислокации и передвижении войск могут обладать порядка ста человек. Военная бюрократия, сам понимаешь. Потери мы понесли ужасные, но штаб уже укомплектован полностью, не прошло и трех недель. В войска бы такие пополнения! Давай рассуждать логически. Человек может использоваться втемную? Скажем, подложили империалисты ему бабу, влюбился, все такое. Вот она и тянет из него секреты.

– Думаю, нет, товарищ полковник. Этот человек действует осознанно, он сделал свой выбор. Не знаю, как на Беренштрассе, где мы не дождались лазутчика, но на Потсдамерплац явился лично «крот». Надо действовать методом ис-

ключения. Кто из штабных в этот день и час находился вне расположения части, и место его пребывания никто не может подтвердить? Этот вопрос надо прояснить со всей возможной тщательностью. «Крот» – мужчина. Он осторожен, не дурак, на рожон не лезет. Можем исключить всех высоких и низких. «Крот» общался с Краузе на немецком языке, во всяком случае, произнес без запинки, пусть и с акцентом, одну фразу. Он не мог ее подготовить заранее, поскольку не знал, что возникнет столь щекотливая ситуация.

– Ты доверяешь показаниям Краузе, майор? Он может оказаться талантливым актером.

– Не настолько, чтобы это не бросалось в глаза. Я не почувствовал подвоха. Краузе испуган, искренне жалеет, что повелся на авантюру. Ему нет смысла прикидываться, поскольку мы его в любом случае не отпустим.

– Хорошо, допустим. Ты представляешь, какой объем работы предстоит проделать в сжатые сроки?

– Да, я представляю, товарищ полковник. Но дополнительных людей мне не надо. Будем копать своими силами. Так есть шанс, что «крот» не насторожится. В противном случае он пустится в бег. Это не линию фронта перейти, а всего лишь пару кварталов.

– Копай, майор, – проворчал Троицкий. – Задета честь мундира. Война окончена, а «кроты» как ни в чем не бывало роются в нашем хозяйстве. Черт меня побери, если не происходит что-то странное. Сколько дней тебе нужно, чтобы

выполнить работу?

Вопрос был крайне интересный.

На выявление подозрительных лиц ушли сутки. В Берлине за это время ничего не произошло. Ароматно воняла тлеющая свалка на Крюгеплац. Пожарные извели на нее десятки машин с водой, но смрад лишь усилился, окутал окружающие кварталы. В Берлин возвращались мирные жители, пешком, на машинах и гужевых повозках. Пленные солдаты разбирали завалы вблизи Александерплац.

Соппротивление противника в городе было полностью сломлено. Организованных групп практически не осталось, только по окраинам в ночное время хлопали выстрелы.

В районе Берлинского зоопарка была выявлена и отстега на ремнях группа юнцов из гитлерюгенда. Пацаны визжали, ругались как взрослые. Плакала горячими слезами девочка с косичками, безуспешно пытавшаяся выстрелить из «фауста». Пристрелить эту банду у красноармейцев рука не поднялась, но лупцевали они подрастающее поколение душевно. Иного воспитательного способа не было. Затем вся компания была отправлена за решетку в тех же воспитательных целях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.